

Развоплощенное слово и неубиваемые стихи

Литературные итоги 2018 года

В этом номере — размышления Николая АЛЕКСАНДРОВА, Владимира КОРКУНОВА, Бориса КУТЕНКОВА, Олега ПАНФИЛА, Валерии ПУСТОВОЙ, Елены САФРОНОВОЙ, Александра СНЕГИРЁВА

Мы предложили участникам традиционного заочного «круглого стола» три вопроса для обсуждения:

1. Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2018 года?
2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?
3. Контекст: кино-, теле- и театральные проекты, связанные с литературой.

Николай Александров, критик (г.Москва)

«В нон-фикшн впечатлений как-то больше...»

1. Если говорить о российской словесности, то одним из самых заметных событий стал для меня выход книги Марии Степановой «Памяти памяти». И вовсе не потому, что Степанова получила премию «Большая книга», завоевала приз читательских симпатий премии «Ясная поляна» и, вероятнее всего, станет лауреатом премии НОС, если жюри не будет оглядываться на «Большую книгу». Премии — скорее следствие. Равно как и неожиданный, если не исключительный для российского писателя, успех: «Памяти памяти» уже переводится на 15 языков. И дело здесь не только в теме (обращение с прошлым), которая в разных своих модификациях присутствует во многих современных российских произведениях. Взять тот же «Июнь» Быкова. Или, скажем, «Родина моя, Автозавод» Наталии Ким. Или «Рецепты сотворения мира» Андрея Филимонова, финалиста «Большой книги» — кстати, роман живой

и динамичный, правда, с несколько вялым финалом, что, в общем, для российских авторов вещь обыкновенная. Дело в другом способе художественного высказывания, в отказе (несмотря на подчеркнутое жанровое обозначение «Памяти памяти» — романе) от привычного романного вымысла, в ином жесте авторского отстранения. Книга сплетается из отдельных не новелл, а расследований, вписанных в общую канву повествования о, скажем так, истории раскопок семейного прошлого. Слагается из путешествий и переходов от темы к теме, из точных описаний, заменяющих визуальный ряд (тем самым как бы реабилитирующих слово, развоплощенное в современную визуальную эпоху). Это свободное движение — интеллектуальное и географическое, то есть не испытывающее смущения от пересечения границ, вторжения в другие культуры, в другой контекст — не может не впечатлять. Равно как не может не радовать и композиционное совершенство «романса», — здесь как раз нет финала, оставляющего привкус неряшливой незавершенности, — и выверенный тон и ритм письма, аккуратная сдержанность, без навязчивости, морализаторства, крика, без самоупоенного писательского «вещания». В этом, между прочим, и чувствуется тенденция. В преодолении не столько пресловутого «реализма», сколько его из советского прошлого идущего извода с его стремлением открывать истину и поучать, наставлять, как все на самом деле обстоит и что должно со всем этим делать.

Конечно, это одна из тенденций. Потому что есть и другие. Ведь, с другой стороны, как раз «криком», открытой, агрессивной эмоциональностью впечатлили меня «Рассказы» Натальи Мещаниновой. Тоже вроде бы на расхожую тему: семейное насилие. Но здесь чувствуется (или видится) такая яростная подлинность, что не сопереживать, остаться в стороне, уклониться от этого напора почти невозможно. С той же неприкрытой экспрессией пишет Анна Козлова, новый, еще не вышедший роман которой, думаю, станет событием следующего года.

Ну, и, конечно, безусловным событием для каждого настоящего любителя художественного слова и внимательного постижения его стал выход комментария Александра Долинина к «Дару» Набокова. Чтение для филолога-гурмана по наслаждению сопоставимое с чтением художественной прозы. Опять же лишний повод «Дар» перечитать. Кстати, и книгу Андрея Немзера о Солженицыне стоит упомянуть.

Вообще в нон-фикшн (история, культурология, наука) впечатлений как-то больше. И в российском, и в зарубежном.

Назову еще две книжки, чтобы не отвечать на третий вопрос, поскольку кино-театрально-телевизионными впечатлениями похвастаться не могу. Это «Оттенки русского. Очерки отечественного кино» Антона Долина и «Россия родина слоников» Дениса Горелова. Их хорошо сопоставлять. У Горелова — блестящие эссе, посвященные не столько режиссерскому кино, сколько кинематографу как зеркалу социально-культурного, ментального лица советского общества разных периодов. У Долина — разножанровая панорама современного кинематографа в лице наиболее ярких его представителей.

2. Прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья» и в этот раз не удалось. Если не считать замечательного романа Наринэ Абгарян «Дальше жить». Но это скорее факт российской словесности.

Владимир Коркунов, поэт, критик, редактор (г. Москва)

38 книг и другие впечатления

1. Главные события литературного года — конечно, книги. Но не только. Тенденции (а это вторая часть вопроса) формирует общение внутри среды — события в прямом смысле. Поэтому вначале о них. Главное, к которому я оказался причастен — международный фестиваль «Контекст», прошедший в Харькове. Там же родился и одноименный журнал, призванный проложить мостки между литературами России и Украины. Сможет ли издание (и прижурнальная книжная серия) выжить в нынешних политических условиях (или ему придется отказаться от геопривязки, а «прописан» он в Харькове) — вопрос. Но это то, что возникло из ничего, здесь и сейчас, на энтузиазме поэта и культуртрегера Екатерины Деришевой.

Новые имена (и тоже тенденции) продолжает называть Дарья Суховой. В 2018-м она провела в Санкт-Петербурге 13-й фестиваль новых поэтов, который, впрочем, не столько открывает, сколько легитимизирует молодых поэтов/поэтесс (Н.Александрова, Е.Георгиевская, А.Гринка, Е.Джаббарова, А.Малинин, С.Камилл) и подтверждает актуальный статус авторов поколения постарше (Л.Йоонас, И.Котова, С.Янышев).

На энтузиастах держатся и региональные форумы — и в этом случае тенденция также на новое искусство, на верлибр. Анна Голубкова вместе с Мариной Батасовой и Александром Сорочаном провели в Твери фестиваль «Из Калинина в Тверь», объединивший общероссийские поэтические токи с местными — Волгой вскормленными или прибитыми (в обоих смыслах) к берегам.

Тенденции на обновление языка и поиск новых смысловых/языковых коммуникаций, на сопряжение регистров говорения, — не только внутренний — международный тренд. В 2018-м я оказался на двух фестивалях: в Кишиневе (Primavera Europeana a Poetilor) и в Лондоне (Slavic Brooch Festival of Poetry), и в эти дни молдавская и британская столицы говорили верлибром на европейских языках.

Ещё одна тенденция — не поручусь за мировую, но внутренняя точно — направлена на раскол поэтического сообщества уже не по «лагерям» и тусовкам, а по причинам, так скажем, интимного характера. В прошлогодних лититогах года (<https://www.netslova.ru/kutenkov/li2017.html>) я писал о хэштеге #metoo, который «помог» жертвам насилия набраться смелости, быть услышанными — и привел к появлению множества художественных текстов, препарирующих этот травматический опыт. События 2018-го позволяют констатировать: пришло «поколение харассмента». Тенденция? Да. Но хотелось бы, чтобы, при абсолютном неприятии насилия, у людей не отнималось право заниматься профессиональной деятельностью. Потому что в таком случае страдает (часто заслуженно) не конкретный человек и даже не сообщество, а что-то большее, на букву «л».

Ну а теперь о *главных* событиях — в переплетах и обложках.

Важнейшей книгой 2018 года стали для меня «Стихотворения, красивые в профиль» Андрея Сен-Сенькова. Практически каждый текст лауреата премии А.Белого — обыденное волшебство, то есть, извлеченное из обыденности. Его образы

1. Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2018 года?

взаимопроникновенны — речь и о глубоком внутреннем эротизме, и фирменных сен-сеньковских метаморфозах, когда текст-трансформер становится еще и сновидением, снящемся читателю наяву. (Взаимопроникновения всего со всем, в том числе — предыдущих текстов, что подтверждают и слова самого А. С-С.: «У нового текста всегда есть фрагменты ДНК какого-то предыдущего стихотворения».)

В «Плаче по Блейку» Андрей Тавров предпринял новую попытку вывести объект за рамки человеческих представлений о нем — в бесконечном и (не?)достижимом поиске первоосновы. На этот раз центральная фигура (через которую ведется поиск и от которой расходятся пучки смыслов и интерпретаций мира) — Блейк. Здесь также, как и у Сен-Сенькова, множество метаморфоз и взаимопроникновений. С другого ракурса взглянуть на мир Тавров пытается в цикле «Шести-/стишия», составленном из гексаграмм, которые следует прочитывать снизу вверх.

Сразу три книги — личный итог года Галины Рымбу, летом переехавшей из Санкт-Петербурга во Львов. «Время земли» открыло харьковскую серию журнала «Контекст» — это стихи, в которых болезненно совпали историческое время и порожденный им субъект (с «плавающим» гендером: «он» и «она» меняются местами). «Жизнь в пространстве» — прообраз избранного, «постболотный» текст, произнесенный голосами наших современников. Даже если в стихотворении нет политических отсылок, она (политика) — тот необходимый фон, без которой эти тексты затерялись бы в ледниках красивых слов и были бы раздавлены ими. «Космический проспект» («Kosmiskais prospekts») — двуязычное издание на русском и латышском, приз по итогам фестиваля «Поэзия без границ».

Очередной том «кальпидиевского текста», «Антология современной уральской поэзии 2012—2018 гг.» — появился в Челябинске. Это четвертая часть глобального проекта, репрезентующего Уральскую поэтическую школу. Отчасти это происходит искусственно (потому что тексты под концепт подбираются самим Кальпиди), но, тем не менее, антология (в ней более 70 имен) — это и модель, и «культуротворческая акция», и важный культурный кейс для Урала.

Открывает антологию подборка Нины Александровой — у нее (не только у нее, но в этих «итогах» речь о ней) осенью вышел сборник с дерзким названием «Новые стихи» — подборка, в которой оформился окончательный переход от силлаботонического стиха к верлибру. Это преимущественно личные, частью политические тексты; некоторые из них выполнены не без влияния уральской, скажем так, поэзии (третий раздел), от которого Нина успешно избавляется к концу книги.

Дмитрий Герчиков наполнил сборник с почти названием-лозунгом «Make poetry great again» именами, событиями, лозунгами, абьюзом и попкорном. Неявная остросоужетность этих социально-литературных текстов делает книжку одной из самых интересных в смысле чтения, а карнавальная основа и естественный, обязательный в своей необязательности язык, — открытием года.

Стихи, из которых ветер, «выдул» всё ненужное (Н. Санникова) — сборник блэкаутов Андрея Черкасова «Ветер по частям». Автор заставил по-новому работать старые тексты — он составил книгу из собственных стихов, «затемнив» большинство слов; из оставшихся получились миниатюры, что-то около двух сотен слов-маркеров (не считал) за 3,5 года.

Книг-проектов в этом году было немало (в том числе, у того же Черкасова). Запомнился сборник Дарьи Сухой «По существу. Избранные шестистишия 2015—2017 годов» — в сборнике их 127 из порядка 1100 на данный момент. Темы у шестистиший самые разные: от зарисовок с натуры до литературных игр — это опыт отовсюду. На две строки больше — в книжке Льва Оборина «Будьте первым, кому это

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Контекст: кино-, теле- и театральные проекты, связанные с литературой.

понравится» (кстати, предыдущая книжка Дарьи Суховой — тоже восьмистишия: «48 восьмистиший», 2016). Это нашпигованный посвящениями «разогрев перед более важными делами», но в совокупности — *случившиеся* упражнения, ставшие высказыванием: мысль работает в условиях необязательной или невынужденной ситуации, — когда мозг читателя расслаблен (и соответственно, легче ловится на «наживку»).

Сборник «Это происходит с кем-то другим» Станиславы Могилёвой — тот случай, когда умелое составление не только подчёркивает достоинства стихов (личных и метафорических, когда смотришь на мир глазами отстранённого от текста автора; в этом стихи Станиславы — дальние родственники текстов Хельги Ольшванг), но и оставляют послекусие отлично рассказанной истории.

Написанные компьютерами тексты и раньше складывались в подборки и даже книги, но сборник «Нейролирика», написанный рекуррентной нейронной сетью, в русскоязычном пространстве — первый. Борис Орехов натренировал сеть на гекзаметрах, ямбах, стихах модернистов начала прошлого века, верлибристов «поколения «Вавилона»», а также Осипа Мандельштама, Лесика Панасюка и Галины Рымбу.

Второй сборник Дениса Ларионова «Тебя никогда не зацепит это движение» — книга многих одиночеств. Автор запечатлевает ситуацию, настроение, эмоцию, подбирая для соответствия им точные, но почти всегда отстраненные (отступающие на расстояние дискурса) от субъекта говорения слова.

Мария Галина в книге «Четыре года времени» объединила реальность (в том числе профетическую, приведя четверостишие 2013 года со словами «еще до войны»; здесь многое посвящено Украине) с ирреальностью (рыбы с молочными зубами, говорящие коровы и др.), которую хочется, но невозможно назвать сказкой. Жуткопись нашего времени, убедительная и страшная.

Из переводной поэзии важны двухтомник нобелевского лауреата Гертты Мюллер «Бледные господа с чашечкой кофе в руках» в переводах Бориса Шапиро и Алёши Прокопьева и переведенные тем же Прокопьевым и Михаилом Горбуновым (правда, еще непрочитанные мною) «Стихи и эссе» Ингер Кристенсен.

Еще из непрочитанного, но лежащего на столе (пишу обзор в начале декабря, и эти издания нужно учесть): книги Виталия Лехциера «Своим ходом: после очевидцев» (с прививкой реальных голосов и документалистики), Дмитрия Голынка «Приметы времени», Дмитрия Гаричева «После всех собак» (предъявляющего неожиданно-оригинальную «породу» силлабо-тоники) и билингва Хельги Ольшванг «Свертки» с переводами Даны Голиной.

С прозой в 2018-м я сталкивался реже; из прочитанного выделю «сумасшедший» роман Вадима Месяца «Искушение архангела Гройса» — выполненная в духе мистического реализма фантазмагория на тему витающего в воздухе апокалипсиса (и, как водится, о человеческой природе в целом). Возвращающую в богемные 90-е («лихого» там немного, разве что «отжим» квартиры) историю Наталии Черных «Незаконченная хроника перемещений одежды». Сборник эссе Светланы Михеевой «Стеклянная звезда», ценный авторским (частью лирическим, частью литературоведческим) взглядом на классиков и современников: И. Бунина, Д. Хармса, В. Хлебникова, Б. Пастернака, В. Распутина, И. Бродского, А. Кобенкова и др. И третий (итоговый) том биографии В. Гроссмана в поджанре «демифологизация» Давида Фельдмана и Юрия Бит-Юнана «Перекресток версий. Роман Василия Гроссмана "Жизнь и судьба" в литературно-политическом контексте 1960-х — 2010-х годов».

1. Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2018 года?

«Время сновидений» — отчасти поэтические, отчасти философские воспоминания-эссе Ольги Балла. Здесь много о детстве, юности, возрасте, времени и месте. Но больше всего об авторе, который предстает не отстраненным от текста критиком-литературоведом (ну хорошо, библиофагом), а — чутким и даже ранимым человеком, который однажды подавил в себе поэта. Эти эссе так и хочется разобрать на цитаты: «Детство — чувство реальной волшебности мира...», «Возраст — нарастание количества пространств, в которых одновременно живешь здесь-и-сейчас»...

2. В 2018 году я достаточно близко соприкоснулся с украинской (и украиноязычной) поэзией. Это было и приятное (эстетическое) — и познавательное знакомство. Сборник Лесика Панасюка «Крики рук» вышел в двух версиях: переводной (авторы переводов: С.Бельский, Е.Деришева, И.Кива, Д.Кузьмин и др.) и билингвальной. Запа Пауалишвили (как и Панасюк) — лауреат киевской премии «Смолоскип» — он переиздал сентиментальную историю обретений, потерь и новых впечатлений «Pe'ina Ольсен» (название, говорят критики, намекает на сложные отношения между кьеркегоровским идеалом и реальностью).

Ия Кива пишет предельно болевой, хрупкий, отчаянный текст. В основе книги «Подальше от рая» — стихи о войне на Донбассе. Наибольшего эффекта достигают тексты, произнесенные *как бы* обыденно и *как бы* просто — до жути, от чего начинаешь им особенно доверять. «есть ли у нас в кране горячая война/ есть ли у нас в кране холодная война...» — пожалуй, самое сильное стихотворение книги.

Станислав Бельский в шестом сборнике «И другие приключения» продолжает переводить окружающий мир на свой язык — автор из Днепра очень плодovit: в книжке немало философских текстов (опять же об обретениях и потерях), как и обычно, он обращает особое внимание на разные формы чувственности. И все так же Станислав активно переводит. В 2018 году он выпустил книгу американского украинца Василя Махно «Частный комментарий к истории», в которой автор соединяет разошедшуюся в разные стороны после обретения языков (речь о Вавилонской башне) историю, приправив текст постмигранционной тоской.

В сборнике Екатерины Деришевой «точка отсчета» видны следы барачной поэзии Всеволода Некрасова, Генриха Сапгира и Игоря Холина (на уровне маскировки и обнажения приема). Но поэт не только изучает, по-своему интерпретируя опыт предшественников, она ищет новые формы выражения, отстраняясь от субъекта и провоцируя конфликт живого с неживым, человека и машины, одновременно извлекая и возвращая жизнь в текст.

Как бы дневник вкпе с перечислением виденного/чувственного каждой строкой, ритмом, ракурсом зрения трансформируются в поэтическое — это сборник Ольги Брагиной «Фоновый свет». Она и правда *подсвечивает* действительность и ведет читателя за собой — по многословным дорожкам (имена, события, литература и поп-культура, попытки не потеряться в условиях сверхбыстрого времени) к очень внятным кульминациям-концовкам, за которыми несказанного больше, чем сказанного перед ними.

Харьковчанин Илья Риссенберг в книге «Обращение» продолжает создавать «темный» текст; комбинации смыслов (они поддаются расшифровке, хотя и не нуждаются в ней) напоминают шахматную партию с Богом — именно диалог с Ним ведет Я-автор.

«Радиус діі» — переведенный на украинский язык сборник молдавского поэта Лео Бутнару (переводчики М.Каменюк, А.Ирванец, Г.Тарасюк, М.Корсюк). В основном, это верлибрические миниатюры в духе Бурича, сдобренные иронией. Выход книги

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Контекст: кино-, теле- и театральные проекты, связанные с литературой.

справедлив по отношению к автору, активно переводящему российский и украинский авангард.

Справедливо и появление на украинском языке книги Дмитрия Кузьмина «Одеяла не предусмотрены» (Дмитро Кузьмін «Ковдри не передбачені», перевод С.Жадана, Б.-О.Горобчука, Д.Лазуткина, О.Барлига, Л.Панасюка, М.Жаржайло, А.Полунина, Ф.Чернышева и др.). Кузьмин не только сам переводит — в его «Воздухе», книжных сериях и других проектах уделено пристальное и бережное внимание украинской литературе.

В конце обзора — книга живущего в Хельсинки Хамдама Закирова «Дословно», представителя Ферганской поэтической школы. Стихи автора полны историй (повосточному пространных и уже по-закировски стереоскопичных), как будто бы непозитических слов, но зорких и раздвигающих пространство наблюдений, что и создает объемный поэтический эффект.

3. К сожалению, я практически не слежу за новыми медиа-проектами, связанными с литературой, а из театральных мне запомнились те спектакли, премьеры которых случились раньше 2018 года («Бег» Булгакова, насыщенный контрапунктами, в театре Вахтангова, режиссер Ю.Бутусов; «4.48 Психоз», спектакль-верлибр, в Электротеатре «Станиславский», режиссер А. Зельдович...).

Борис Кутенков, поэт, лит.обозреватель, редактор отдела критики и эссеистики портала «Textura» (г.Москва)

Тенденции, симптомы, традиции...

1.1. Главная тенденция — все большее размывание границ между частным и профессиональным, чему в немалой степени способствовали социальные сети. Литератор, совершивший неблагоприятный (по мнению «высокой общественности») поступок, подвергается публичному ostracism, который мгновенно распространяется на курируемые им проекты; причем коллеги демонстративно ставят знак равенства между проектами (которые во многих случаях отличаются высоким профессионализмом) и перечеркивающим их поступком, никак не характеризующим работу редакторскую, поэтическую и т.д. Не называя имен в этом контексте и не давая оценок чужим действиям, отмечу тревожный симптом уравнивания подводной части айсберга литературы — и той надводной «имиджевой» вершины, которую автор считает возможным преподнести публике через посты в социальных сетях. Можно общаться с приятным коллегой о поэзии Виталия Пуханова или Александра Кабанова, при этом через минуту увидеть, что Пуханов и Кабанов предстают в его глазах не литературными персонажами, а героями фейсбука; разговор мгновенно сведется к оценке последних постов, внешности, человеческих качеств — и только изредка к поверхностным впечатлениям о тех произведениях, что удалось уловить в хаосе информационной ленты. Но все более редким становится представление о целостном корпусе текстов, все более удивительной — возможность разговора, исходящего из условий единого

1. Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2018 года?

текстового пространства (пусть даже с диаметрально противоположными оценками). Словно бы и не было книг упоминаемых авторов. Словно бы и не было критики вокруг этих книг. В этой связи хочется усилить собственный литературоцентризм: говорить о текстах, а не о людях, больше читать вслух чужие стихи и акцентировать внимание на осмысленных рецензиях на них, раздаривать книги, как бы семантизируя процесс их перехода в частное, но развернутое, окружающее тебя кластерное пространство. Иными словами, хочется жить трудоемкой семантикой литературы, а не легковесной аурой сплетни.

1.2. Симптом года — закрытие «Журнального зала», поделившее жизнь условного «литературного сообщества» (это определение все чаще хочется сопровождать кавычками и оговорками) на «до» и «после». Удар по ЖЗ — «один из ударов под дых современной литературе» (Евгений Абдуллаев) — тем подл, что неожидан. Неожидан для абсолютно всех читателей, которые привыкли получать новости толстожурнальной культуры в режиме нон-стоп. Те бюрократические препоны и те сложности, которые удалось выяснить из комментариев в прессе, обнажили повестку дня, в которой жизнь современной культуры оказывается под большой угрозой, — кончиться может все, что казалось вечным и незыблемым, и в любой момент: в связи с прекращением финансирования, волей чиновника, усталостью энтузиаста... Радует, что после кризисной точки в жизни журналов, разбежавшихся по разным сайтам, литература вопреки всему оказалась живуча: редакторы журналов продолжают размещать электронные версии, просят о максимальном перепосте на фейсбуке, появляются альтернативные версии Журнального зала — такие, как сайт «Интерлос». А краудфандинг, запущенный Сергеем Костырко 16 ноября для возобновления проекта, за рекордные сроки собрал такое количество поддержавших, что становится яснее ясного: журналы нужны, толстожурнальная культура востребованна, несмотря на забивающие ее сиюминутные поводы; в общем, помирать нам рановато.

Среди поэтических книг года отмечу в первую очередь большое избранное стихов разных лет и эссеистики Дениса Новикова (1967—2004) «Река-облака»: его выход продемонстрировал актуальность этого автора для представителей самых разных поколений. Стихи сопровождаются множеством комментариев разной степени подробности, которые любовно готовились Александром Переверзиным и Ольгой Нечаевой на протяжении нескольких лет (издательство «Воймега»). Другое событие — выход книги Дмитрия Гаричева (р. 1987) «После всех собак» в издательстве «АРГО-Риск»: случай абсолютного консенсуса, когда поэт импонирует, кажется, представителям абсолютно разных сегментов, не предпринимая для этого никаких внелитературных усилий и многие годы подряд делая что-то совершенно уникальное. Поэзия Гаричева — образец работы с публицистической подосновой высказывания и с острой критикой современного российского режима (что нравится, предполагаю, издавшему его книгу Дмитрию Кузьмину) в сочетании с мандельштамовской работой «смысловика» и при этом отчетливой аурой бессознательного (что нравится, предполагаю, любому читателю, умеющему отличить поэзию от имитации). Впрочем, возможно ли сейчас «внелитературное усилие»? Само определение оксюморонно: слово «усилие» включает в себе семантику противостояния — в данном случае нарастающему размыванию профессиональной сферы. А значит, сознательное неучастие, которое в ситуации, когда каждый говорит, каждый второй перебивает и мало кто слушает, невольно становится публичным жестом. Будь то неучастие как внимательное наблюдательство — или сознательная отстраненность от «большого литпроцесса» (случай Гаричева): кажется, сейчас между ними можно поставить знак равенства как видами молчания, отстраненными от хаоса слов.

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Контекст: кино-, теле- и театральные проекты, связанные с литературой.

Из других поэтических сборников очень хороши «Сон златоглазки» Елены Лапшиной («Русский Гулливер») и «Станция Марс» Анны Павловской («Арт Хаус Медиа») — эти стихи доказывают возможность существования новой классической поэтики и неисчерпанности силлаботоники в условиях, когда ее кризис кажется бесспорным.

С огромным интересом читал антологию «Как мы пишем», составленную Павлом Етоевым и Павлом Крусановым (издательство «Азбука-аттикус»): авторы позаимствовали идею, уже воплощенную в 1930 году (среди авторов той книги были Тынников и Зощенко, Пильняк и Белый), и аналогичное название, но нынешнее издание только подтверждает актуальность разговора о писательской кухне — и как бы противостоит теории, согласно которой разговор о писателе устами самого писателя нужно оставить романтикам. Прекрасно, что этот разговор не замкнут на конкретной персоне и в лучших текстах книги выходит на важные обобщения о роли писателя.

Замечательная традиция — выход эссеистических сборников поэтов: Дмитрия Воденникова («Воденников в прозе» — книга, составленная из колонок поэта на сайтах, нацеленная, ни много ни мало, на изменение атмосферы в обществе и на диалог с соотечественниками об их же косности и лжепатриотизме; см. о ней мою рецензию в «Дружбе народов», № 4, 2018); Льва Рубинштейна «Что слышно» — структурно это продолжение его знаменитых карточек, содержательно — внятное и болевое высказывание, по сути, о том же, о чем и Воденников, но с иной поколенческой позиции и с другим уровнем «поэтизации высказывания»; «Игроки и игральщица» Валерия Шубинского — сборник статей о поэзии, посвященный в основном позднесоветскому ленинградскому андерграунду и четко отражающий предпочтения критика, для которого главное — «виноградное мясо» стиха.

Среди журнальных изданий, которые не потеряли энтузиастического отношения не только к своей работе, но и отбору текстов, хочется отметить сайт «Прочтение» — с его внимательнейшей, почти атаквистически дотошной редакторской правкой, так ценимой мной на фоне общей невнимательности; с постоянным стремлением наполнить жизнь сайта и сделать ее интересной.

2. В подготовленных нами недавно двух томах антологии «Уйти. Остаться. Жить» (рано ушедшие поэты 70-х и 80-х годов XX века), которая увидит свет в 2019 году, опубликованы несколько замечательных авторов, имеющих отношение к «ближнему зарубежью»: прочитал их как следует только в этом году, поэтому не могу не упомянуть. Игорь Поглазов (1966—1980) — еще не отрефлексированный случай акселерации и ранней трагедийности, тревожной зрелости и подростковых метаний, заключенных в «безвозрастных» стихах. Валдис Крумгольд (1958—1985) — поэт-минималист, знавший о своем смертельном диагнозе и писавший стихи на русском, по выражению автора статьи о нем Константина Комарова, «в ощущении присмертия», не теряющий при этом логики просветления. Клав Элсберг (1959—1987), один из первых авторов, привнесших в культуру Латвии достижения авангарда, поэт, чьи переводы с латышского, сделанные Сергеем Морейно, — образец модернистской поэтической суггестии, противопоставленной косному соцреализму пространства, окружавшего поэта.

3. Очень мало следил за этими сегментами, работая над книгой и другими многочисленными литературными проектами, поэтому воздержусь от ответа.

1. Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2018 года?

Олег Панфил, поэт, прозаик, переводчик (г. Кишинёв)

«Это будто разные виды людей...»

Главные литературные события этого года для меня оказались личными. И связаны они с утратами.

В начале года буквально сгорел за пару месяцев Александр Шаталов — отважный первый издатель Лимонова, Буковски, Берроуза, блистательный телеведущий и режиссер документальных фильмов. И — поэт, поэт. Перед смертью Саша в безысходной клинике в полном одиночестве стал писать стихи. Чего не делал уже много лет и часто сокрушался по этому поводу. В течение месяца он присылал почти каждый день по стихотворению (не только мне, разумеется). И мы с ним их обсуждали.

До сих пор страшно открывать нашу переписку. Жизнь и смерть онлайн. В когтях неумолимо рвущей плоть болезни Сашин дух освобождался — от судьбы-крысолова, от ее мелодий, фатально сбывшихся, — мелодии вины и саморазрушения, одиночества и уязвленности красотой. Сияние развоплощенного духа в Сашиних предсмертных стихах — и реяние его души над обстоятельствами непреодолимой силы — за гранью между литературой, жизнью, смертью. Это все — одно целое.

Литература — такая штука: коготок увяз — всей птичке горевать. За все уплачено. Верно ли это только для русской литературы и русских писателей — трудно сказать. Но Сашиньи стихи заставили меня перечитать книгу «Тройственный союз» — переписку Георгия Иванова, Ирины Одоевцевой и их издателя Романа Гуля. Книга из тех книг, для которых не важно, в каком году они вышли. Если вы ее не читали — она всегда безусловно нова. Издательству «Петрополис» удалось невозможное: это действительно книга, с нереально тонкими и равноудаленными комментариями и — с неожиданным, непредсказуемо возникающим метасюжетом, вырастающим на тройных перекрестках баснословно омерзительных тайн, клеветы, последней прямоты, лжи, нищего света и пустот этих писем. Пожалуй, ни одна книга не действовала на меня таким коротким замыканием — как в электрошокере — пронзительно ожило все безумие времен — замыкание между русской историей 20-30-х годов и нынешней — с одной стороны, и переплетение нищеты судеб с нищетой духа — распадающегося духа и его отдельных — там, сям — слава богу, не скреп, а жалких, но сверкающих скрепок духа среди всей мерзости и множества видов российского и мирового запустения первой половины XX века. Мелодия разлада зазвучала тогда, и я слышу ее и в стихах Саши, которые чем-то напомнили мне позднего Гр.Иванова. Его как бы простые, но неубиваемые стихи — потому что в них уже нечего убивать. Все убито, но они блять сияют — эти скрепки. Потому что за все уплачено.

Саша когда-то тоже хотел эмигрировать — но как-то не прижился ни в Америке, ни в Париже. Но остался в той самой внутренней эмиграции, которая, как и собственно обычная эмиграция — отчасти бегство и отделенность, бегство от боли вследствие — как ни просто — безответной любви (допустим, к миру) и употребления сильнодействующих индульгенций от этого, будь то неоплатонических или малоотличающихся в этой сути от них манихейских или христианских. Или общекультурно-элитарных под видом эгалитарных. «Но ты ведь, получается, с тех пор

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Контекст: кино-, теле- и театральные проекты, связанные с литературой.

хотел умереть?» — спросил я Сашу, комментируя одно стихотворение, связанное с его юностью. «Получается — да», — написал он.

Саша готовил к изданию книгу моих стихов «Причал-отчал» в его издательстве «Глагол». Он почему-то спешил, а я дико затягивал сроки — как-то не видел ее изданной. И оказался прав. Ему нравилось это название — «Причал отчал». Саша, я дарю тебе его. Легкого тебе света.

А потом умер Олег Юрьев.

Мммыыхххх.....

Черный бриллиант в оправе тополиного пуха.

Трудно отрешиться от боли, о которой я знал из нашей с ним и его женой Ольгой Мартыновой (равновеликой ему как поэт) многолетней переписки и дружбы. Потому что в случае Олега за все было заплачено болью сверх всякой меры.

Но я не знаю ни одного Голоса кроме Олега в современной русской поэзии. Это необъяснимо и недоказуемо, но каждый раз — читаешь его стихи, и звучит Голос, который больше чем вещи, дольше чем Олег, выше низких небес.

Деконструкция особой роли литературы и самого явления гения — со всех флангов — постмодернистского ли, феминистского ли — не преминули сказаться на реальности: она стала площе и тупее. Общая тенденция опускания и сбивания пафоса и важности, возможно, несла в себе признаки оздоровления — но оздоровления чего? И имеет ли отношение оздоровление — это ведь не ЗОЖ — к литературе, например, вся это утомительная и закомплексованная чушь о смерти автора и текста?

Как бы мы ни сводили литературу к тексту, несомненные чудеса еще происходят — например, Юрьев пишет «Неизвестное письмо писателя Л. Добычина...», и это не текст, а — другая жизнь Добычина. И вспоминаешь почти запретное слово «гений». И опять перечитываешь «Тройственный союз».

А потом умерла Алла Юнко — ангел-хранитель кишиневской русской поэзии и поэтов, так и не долетев до Америки, где оказалось ее продолжение — дочь и внучка. Ее присутствие и внимание на протяжении нескольких десятков лет создавали здесь, в Кишинёве, не только непрерывность поэзии, но и, казалось, придавало смысл всему тому, что, казалось, потеряло его. Удивительный дар, удивительная душа.

А среди прочего — поскольку жизнь и литература стали ленточной — вся эта непрерывная лента фб, бесконечные членики огромного «глиста» — среди всего интересны в основном живые стихи: Васи Бородин, стихи и битвы Юрия Смирнова из Кировограда, стихи Вадима Банникова из Казахстана, стихи и опыты Валентина Алёна (под многими его псевдонимами), новые для меня имена — непривычно близкие, как изнанка крови, стихи Дмитрия Гаричева, чистые и скупые как ч/б фильмы тексты Ивана Белецкого.

Кроме того, меня одолевали приступы мизантропии в связи с баттлами Оксиморона и Гнойного и другими общими местами. Стареть неприятно, кто бы спорил.

Но не только в баттлах, а во всей так называемой поэзии для читателей (и слушателей) меня выбешивает то явное предпочтение, которое отдается поэзии — простигоссподи — «со смыслом». Ненавижу зарифмованные мысли. И зарифмованную «мораль сей басни такова». Настоящая поэзия должна, блин, сопротивляться интеллекту почти успешно. Смайл.

Потому что поэзия — не про это. Она про новое хотя бы.

1. Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2018 года?

А хейт спич — новость двадцатилетней давности.

Теснота и скученность звукового ряда должна, не может не производить новые смыслы. Куда уж теснее и скученней, чем в рэпе и баттлах? Между тем, в рэпе этого почему-то не происходит. Смысл приращивается на одном и том же уровне — тупых предложений по ходу юношеского изобретения велосипеда. Страшно подумать, а вдруг это так действует встроенный ограничитель русского синтаксиса?..

Между тем — да, пропасть между поэзией для читателей и поэзией для поэтов огромна, как никогда. Это будто разные виды людей. Почти как в «Меморандуме Бромберга». Смайл.

Валерия Пустовая, критик (г. Москва)

«Синдром критической усталости»

Главное, что меня вдохновило в уходящем году, — это премия «Золотая Маска», врученная писателю и поэту Дмитрию Данилову как драматургу. Человек, общение с которым началось с моего недопонимания — он до сих пор в фейсбуке любит рассказывать историю об одном редакторе, которого смутили его эксперименты в прозе, — постепенно стал для меня одной из ключевых и необыкновенно утешающих и побуждающих к жизни и творчеству фигур в литературе. То, как свободно Данилов переходит границы родов и жанров, для меня знак не только творческой силы, но и продуктивного творческого смирения: это автор, который умеет себя озадачивать, ставить себе некомфортные условия, возвращать себя на старт и как бы заново узнавать жизнь из позиции незнания и удивления. Драматургия Данилова кажется мне к тому же действительно прорывом, открытием нового измерения в его текстах — потому что здесь все главные и хорошо узнаваемые мотивы писателя получили голос и образ, оказались персонифицированы. Возник герой, конфликт, драматизм — все то, чего Данилов старательно избегал в прозе. Драматургия Данилова более человекоориентирована и расположена к зрителю, чем его проза — к читателю. В то же время это типичный даниловский эксперимент с точками зрения, ракурсами восприятия и постижением тайны жизни, которая, как и в прозе Данилова, здесь открывается в том, что «обычно не замечается».

Главная утрата — если так можно сказать, ведь этот год был полон утрат: так, ушли из жизни основатели «Театра.doc» Михаил Угаров и Елена Гремина и режиссер Дмитрий Брусникин, оставивший после себя воспитанную им и при нем ставшую знаменитой независимую труппу молодых актеров «Мастерская Брусникина», писатели Владимир Войнович, Владимир Шаров и Андрей Битов — но я о своего рода личной утрате: человека, которого я успела узнать не только по тому, что он сделал в культуре, — Бог призвал к себе писателя Владимира Данихнова, нетипичного фантаста, чье цепкое бытовое зрение и психологическая наблюдательность сделали бы честь любому реалисту. Владимир и его семья долго боролись за его жизнь, и два раза онкологическое заболевание, ставшее причиной его смерти, действительно удалось

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Контекст: кино-, теле- и театральные проекты, связанные с литературой.

задавить. В этой борьбе приняли участие многие коллеги и друзья писателя, а также люди, случайно захваченные сопереживанием его беде. Владимир успел дописать и выпустить «документальный хоррор» о своей борьбе с заболеванием — его роман «Тварь размером с колесо обозрения» начинается как хроника этой борьбы, но постепенно уводит нас от личных обстоятельств в такую глубину подсознания, на которой хроника превращается во всечеловеческую притчу о сражении со страхом смерти и забвения. С тех пор как я прочла в «Новом мире» роман Данихнова «Колыбельная» и страстно им увлеклась, мы с писателем время от времени общались, и я много ценного, острого, парадоксального вычитывала не только в его книгах, но даже в его постах в фейсбуке, которые тоже своего рода заготовки новых книг. Кстати, Владимир Данихнов тоже успел попробовать себя в качестве драматурга — и посты такого рода позволяют говорить и о его обостренном слухе к современной речи, и о таланте сатирика. Я очень надеюсь, что со временем удастся переиздать произведения писателя, в том числе с публикациями из блога. И считаю, что само устройство его текстов позволит им остаться частью актуальной литературы — потому что это романы с новаторским смещением границ реализма и фантастики, сатиры и притчи, смелым соединением шаблонов массовой и поисков интеллектуальной литературы.

В этом году обострилась полемика о критике. Прежде всего в связи с самыми яркими предметами критического несогласия — документальным романом Анны Старобинец «Посмотри на него» и новым романом Виктора Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи». В первом случае, на мой взгляд, пришлось наблюдать практически капитуляцию аналитического начала критики: критический анализ подменялся опорой на личный житейский опыт рецензента, выражением эмоций сочувствия или отторжения от прочитанного, публицистическими обобщениями о системе социальных отношений в России. Во втором — синдром критической усталости, когда рецензенты под властью предубеждения, что ничего нового в очередном романе Пелевина не найти, не пытаются вникнуть в трансформации его стиля и образной системы: рецензия сводилась к ироническому осмеянию романа с целью развлечь публику, или подробному изложению его содержания, или публицистической полемике с автором по социально-политическим вопросам. Оба случая — образцовые примеры сбоя профессиональной ориентации в критике, которая, отказываясь от внимания к тексту и аналитического начала, теряет себя. Потребность высказаться тут оказывается сильнее, чем потребность понять, а ориентация на повороты разговора с читателем — куда важнее, чем интерес к поворотам литературы. Я еще раз убедилась, что именно в отношении аналитического начала проходит сегодня главная граница между критикой и книжной журналистикой или книжным блоггингом, а если говорить прямее, между профессиональной критикой и мнением.

Среди новинок мне сейчас особенно интересны книги о столкновении детского и взрослого сознания, о конфликте живого и ранимого — с ригидным и неумолимым, малого — с большим. Мне кажется, это важная тема современной литературы. В этом смысле для меня ключевыми новинками стали книги Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина», Ксении Букши «Открывается внутрь» и новый роман Александры Николаенко «Небесный почтальон Федя Булкин», а также «антропологический роман» Анны Клепиковой «Наверно я дурак».

1. Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2018 года?

Елена Сафронова, критик, прозаик (г. Рязань)

«Не тот "опиум"...»

1. Одним из главных литературных событий года для меня стал роман Гузели Яхиной «Дети мои». Я отметила этого автора еще с первой книги «Зулейха открывает глаза» и с интересом прочитала ее вторую книгу. «Дети мои» показались мне в чем-то самодостаточнее и художественнее «Зулейхи». Мне понравилось то, что текст «Детей моих» буквально пронизан мифологическими аллюзиями — от священной легенды о непорочном зачатии до сказок братьев Grimm, с которых у большинства русских читателей начинается знакомство с немецкой культурой. Я рада соприкосновению с этим текстом.

Для меня не секрет «неприятное» отношение ряда моих коллег к творчеству Гузели Яхиной, но я это мнение не разделяю. Скорее всего, это позиции из серии «о вкусах не спорят». Но, может быть, неприятие романов Яхиной является частным проявлением тенденции идеализации, если не «обожествления» советского времени, когда, как все чаще можно услышать, царили только большие успехи — и не было даже тех «отдельных недостатков», с которыми соглашались пресса и литература той поры. Но я, как историк-архивист по образованию, много лет проработавшая в Рязанском областном госархиве, непосредственно имела дело с документами о таких «отдельных недостатках», как, скажем, раскулачивание и депортация «русских немцев». В Скопинском районе Рязанской области на шахтах по добыче бурого угля работало множество граждан с немецкими фамилиями — по огромным пузатым ведомостям сотрудники архива выдавали справки потомкам «трудоармейцев» о нахождении их предков на шахтах. Сами работники, как правило, запросить справку уже не могли — трудовые лагеря сокращают жизнь, в Скопинском районе много «немецких» кладбищ... Часть немцев содержалась в лагерях для военнопленных. Но часть попала сюда в начале Великой Отечественной войны из Республики немцев Поволжья. Стратегическое значение депортации солидной части немецкой диаспоры из глубины России, с Волги, на тысячу километров западнее, в район, который осенью 1941 года находился в оккупации фашистскими войсками, непонятно мне до сих пор. Но именно таким образом, в числе многих прочих, попал сюда немецкий гражданин, житель ныне прекратившего существование поселка Гуссенбах на Волге, Фердинанд Дель. Фердинанду удалось пережить «трудовую повинность» и создать семью с местной овдовевшей колхозницей (его первая немецкая семья была депортирована из Гуссенбаха в другом направлении, и он больше никогда не видел первую жену и детей от нее). Их младший сын Владимир Дель стал прекрасным театральным режиссером, художественным руководителем Молодежного театра «Предел» (г. Скопин), лауреатом многих творческих наград. Об истории своей интернациональной семьи Владимир Дель поставил спектакль «Гуссенбах-Кучугурки». Так что спорить с Яхиной по части фактографии я не буду — то, о чем роман «Дети мои», имеет много подтверждений в реальности.

Еще одним открытием года в плане «дружбы народов» для меня стал 4-й том Антологии «Современная уральская поэзия». Новая книга Антологии так же

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Контекст: кино-, теле- и театральные проекты, связанные с литературой.

многонациональна, как Урал, и так же панорамна. Запомнились, например, основанные на суннитских преданиях стихи Еганы Джаббарово́й из серии «Сглаз»:

три свидетеля ведут тебя к чёрной яме
закапывают по пояс и молчат
сухое материнское лицо
сжатые от непонимания губы
в эту секунду, Нур,
ты можешь молить о пощаде,
но не просишь.

2. Прочитать кого-то из авторов «ближнего зарубежья» удалось в очень специфическом дискурсе: критико-публицистические рукописи жительницы Луганской Республики Анны Светловой, присланные на семинар критики Сопоставления молодых писателей в Москве, которое состоялось в середине декабря. В эссе «Варфоломеевская ночь: наши дни» Анны есть такие строки: «Почему я не сбежала из этого ада? В Украину? Россию? Почему все еще здесь? Я не знаю ответа на эти вопросы. Так же, как не могу ответить, кто мне дороже: отец или мать? Почему разговариваю на украинском, а мыслю по-русски? Почему одинаково близка мне поэзия Ахматовой и Евтушенко, Симоненко и Костенко? Не могу разорвать сердце пополам. И нас таких миллионы». Как говорится, без комментариев.

Анна не прошла конкурсный отбор на семинар, так как ее тексты, написанные кровью и болью, были более публицистическими, чем критическими, то есть не вполне отвечали духу и букве мероприятия. Но внутренний «озноб» от вопросов без ответов, которые сформулировала она в своих рукописях, остался со мной до сих пор.

3. Замечаю за собой, что все меньше интересуюсь отечественным кино, особенно телевидением, а сериалы предпочитаю голливудские — тамошняя полная абстракция или фантазмагории более приятны, чем то, что в отечественных сериалах подается под флагом «жизненной достоверности». Да и проектов, связанных с литературой, в нашем кино убедительно мало — видимо, не считаются популярными для народа экранизации, не тот «опиум»...

В начале года посмотрела фильм «Довлатов» Алексея Германа-младшего. Увы, он меня разочаровал так же, как экранизация покойным Станиславом Говорухиным, Царствие ему небесное, довлатовского «Компромисса», одной из моих любимых вещей, под названием «Конец прекрасной эпохи». Там почему-то при переводе на язык кинематографа оказались потеряны очень многие шутки и реплики героев Довлатова, украшавшие текст, но добавлена натужная линия «перевоспитания» офицером КГБ журналиста, которому с непонятными целями поменяли фамилию.

«Довлатов» тоже оказался намного скучнее и тусклее, чем хотелось бы от кинофильма о такой яркой, противоречивой личности. Он выдержан в таких же серых тонах, как и экранизация «Ненастья» Алексея Иванова — но в последнем случае мрачная гамма ленты хотя бы оправдана «лихими 90-ми» и, как выясняется, ненамного более мирными и спокойными «нулевыми».

Сейчас с замиранием сердца жду очередного фильма по мотивам обожаемого мною «Заповедника» с Сергеем Безруковым в главной роли. Я пишу эти строки 5 декабря, выход фильма состоится завтра, и хочется верить, что хотя бы в нем восторжествуют довлатовские юмор и абсурд.

1. Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2018 года?

Александр Снегирёв, прозаик (г.Москва)

Снегирёвская троица-2018

В этом году я прочитал целых три книги — и о каждой мне есть, что сказать.

В одной из книг речь идет об Иисусе Христе, когда-то существовавшем, совершенно реальном, вполне привлекательном персонаже. Речь о романе Олега Зоберна «Автобиография Иисуса Христа». Книга поэтапно разрушает все евангельские истории, как бы очищая их от шелухи слухов, искажений и спекуляций, и разворачивает перед нами картину вроде как подлинных событий. Автор романа Олег Зоберн соорудил условный исторический детектив, в котором нам предлагается настоящая история жизни Христа, написанная им самим.

Лично мне книга показалась очень увлекательной, живой и органичной, и, что особенно важно, разрушая один миф, автор по своей воле или по воле providения, воздвигает миф новый и куда более убедительный при всей диковатости некоторых его деталей. Ортодоксальные верующие плюются, а у меня к концу книги не осталось никаких сомнений, что Христос, каким бы они ни был, имел абсолютно божественную природу.

Роман Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» одни расхвалили, другие разругали. В обоих лагерях есть и мои единомышленники, и оппоненты. Сам я роман прочитал наполовину и остался в полном восторге. Давно порываюсь прочитать вторую половину, просто повседневная суета постоянно отвлекает.

«Петровы в гриппе» являются примером того, как из рутинной пыли и грязи писатель намыл золотой песок. Не подстраховал себя костылями социально значимого сюжета, не подпёр броской темой или великим историческим событием, а взял и бесстрашно поработал с повседневностью, да так, что получилось подлинное искусство.

После чтения романа мне захотелось познакомиться с автором и в свою поездку в Екатеринбург, я специально прихватил книгу Алексея — подписать. Это при моей-то нелюбви к лишнему багажу. Ни до, ни после я ничего подобного не совершал, сами понимаете, что это является наилучшей рекомендацией.

В третьем и последнем романе моего списка следователь ищет одного маньяка, а читатель находит трех. Помимо этого, читатель со следователем находят непонятную бездну размером с колесо обозрения. Когда читаешь, невозможно оторваться. Я читал на пляже и даже плавать не пошел, так зачитался. Великолепная жуткая книга, я не знаю, где еще сегодня так пишут об отношениях. Все друг друга не понимают. Не договаривают. Притворяются. Мужики агрессивны и одновременно трусливы. Женщины забиты. Все живут, будто во сне. Книга страшна не наличием маньяка, а точным описанием каждого из нас. Страшна и притягательна. И, хочется верить, поучительна. Тот редкий случай, когда я могу сказать без издевки, что книга научила меня кое-чему.

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Контекст: кино-, теле- и театральные проекты, связанные с литературой.

Не столько научила, сколько напомнила. Необходимо стараться понимать других. Не выслушивать, а понимать. Хотя бы пытаться.

Надо быть честнее. Хотя бы пытаться. Хотя бы с самим собой.

И надо любить. Любовь, впрочем, бывает разная. Например, романский маньяк убивает детей из жалости — хочет уберечь их от боли и разочарований взрослой жизни. Сначала думаешь, какая мразь, потом начинаешь его (о боже) жалеть, а потом понимаешь, что и такая чудовищная точка зрения имеет право на существование, по крайней мере, в художественном романе.

Блестяще сведенные хвосты многочисленных сюжетных линий. Полным-полно шикарных фраз. Чего стоит одна только: «Меньшов и Чуркин до сих пор мертвы».

Одного не пойму: почему роман не получил ни одной премии?

Он был в коротком списке «Русского Букера». Но в тот год «Букера» дали мне — и от этого мне страшно.

Читайте «Колыбельную» Владимира Данихнова.